

DOI: 10.31860/0136-7447-2021-38-40-57

Л. И. Петрова *L. I. Petrova*
(Санкт-Петербург) (Saint Petersburg)

Из прозаических жанров **From prose genres**
с. Столбун **of the village of Stolbun**
(по материалам **(based on expedition**
экспедиций Пушкинского **materials of Pushkin**
Дома в Гомельскую **House in Gomel region)**
область)

Аннотация

В работе публикуются образцы народной прозы, записанные в 1980-х сотрудниками ИРЛИ РАН в с. Столбун Ветковского района Гомельской области Республики Беларусь. Тексты сказок, легенд, преданий и быличек интересны как дополнительные материалы для изучения устного прозаического творчества на территории русско-белорусско-украинского пограничья.

Ключевые слова: Беларусь, Столбун, сказка, легенда, быличка

Abstract

The work publishes some samples of folk prose recorded in the 1980s by researchers of the Institute of Russian Literature in Stolbun of the Vetkovsky district (Gomel region of the Republic of Belarus). The texts of fairy tales, legends, and mythological texts are interesting as additional materials for the study of oral prose creativity in the territory of the Russian-Belarusian-Ukrainian borderland.

Keywords: Belarus, Stolbun, fairy tale, legend, mythological prose

В 1980-е гг. Виктором Евгеньевичем Гусевым была инициирована собирательская работа сотрудников ИРЛИ РАН в районах русско-белорусско-украинского пограничья. В настоящей публикации представлены образцы прозы, записанные в одном из обследованных участниками экспедиций населенных пунктов Ветковского р-на Гомельской обл.

Село Столбун, о котором идет речь, находится всего в 33 км от г. Ветки. Добраться до него не составляло труда и в начале 1980-х — на автобусе по хорошему шоссе (что казалось удивительным после экспедиций на Русский Север). Но когда в августе 1982 г. мы впервые (Ю. И. Марченко и автор этих строк) прибыли в Столбун, то выяснилось, что до нас здесь никто из фольклористов не был. Факт нахождения в селе в первой половине 1920-х М. Коршукова, наблюдавшего

го и вкратце описавшего обряд «похорон стрелы»¹, в памяти старожилов не сохранился. Зато продолжал жить сам обряд, в чем мы воочию убедились в следующий приезд в Столбун, в июне 1983 г.²

Из всего богатейшего фольклорного материала, записанного здесь сотрудниками Пушкинского Дома в 1982–1988 гг., опубликована до сего времени лишь незначительная часть³. Что же касается прозаических произведений, то они и вовсе не нашли отражения в печати. Между тем эти записи, хотя и не носили планомерного характера в ходе экспедиций Пушкинского Дома, поскольку основной целью являлся сбор материала по весенне-летней календарной обрядности, окажутся безусловно полезными для уточнения местного повествовательного репертуара⁴.

Представляемые образцы народной прозы записаны в разное время от двух жительниц с. Столбун, песенниц и сказительниц, фольклорный репертуар которых широк и разнообразен, — Аксины Лаврентьевны Фяськовой (1922 г. р.) и Марии Даниловны Тарановой (1924 г. р.).

Прозаические тексты различной жанровой принадлежности, в которых мифологические представления об окружающем мире переплетены с христианскими верованиями, в то же время отражают реалии деревенского быта, привязаны в сознании сказителей к данной конкретной местности, местному ландшафту.

Согласно преданию, возникновение с. Столбун связано с деятельностью Екатерины I: «Была Екатерина I. У ней ниякá памошника ни было. Ана страной правила... И де тольки быў красивый мужчына — штобы быў иё. Ана границы делала, стаўбы станавила: Неглюбка — Россия, а па другую сторону — Беларуссия. Засиляла, названия <давала>. Назывались Стаўбцы сразу, а тыпер — Стаўбун»⁵.

Столбун — село удивительное, «поющее». Хозяйства здесь крепкие, дома в большинстве своем каменные, есть школа, библиотека. А рядом — Чертов лог, где, по словам местных жителей, черти гуляют, и кто пойдет туда поздно вечером — всю ночь «проплутует». И много случаев таких было, «особенно п'яных вóдиць». С противоположной стороны недалеко от Столбуна расположено озеро

¹ См. об этом: Гусев В. Е. Вождение «стрелы» («сулы») в Восточном Полесье // Славянский и балканский фольклор: Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986. С. 63–76.

² Описание зафиксированного тогда обряда приведено в указанной статье В. Е. Гусева. В состав экспедиции ИРЛИ в 1983 г. входили Ю. И. Марченко, Л. И. Петрова и А. В. Осипов.

³ См.: Марченко Ю. И., Петрова Л. И. Балладные сюжеты в песенной культуре русско-белорусско-украинского пограничья // Русский фольклор. СПб., 1993. Т. 27. С. 205–255; СПб., 1995. Т. 28. С. 290–348; СПб., 1996. Т. 29. С. 110–191.

⁴ Впоследствии в с. Столбун неоднократно бывали и белорусские, и московские фольклористы, но публикации их прозаических записей единичны.

⁵ Записано со слов А. Л. Фяськовой, хранившей в памяти и другие топонимические предания, в том числе о названии близлежащих к Столбуну селений — Великих и Малых Немках на реке Беседе: «Плыли два брата немцы па рэчке, пуцішэствавали так (*самаделкавая была лодка*). И приплыли на Беседа, паршылы причалить к беригу. Адин брат — бóльшой — на адном биригу астаўса, а другой приехал на другой бериг. Аны расплававáли и пасилились здесь жыть. Места им панравилась. И ў нас называицца Малыя Нямки и Бальшыя Нямки». (Все записи, не имеющие ссылок на шифры Фонограммархива ИРЛИ, произведены мной «от руки»).

Святское, легенда о происхождении которого «подтверждается» свидетельствами о доносящихся со дна озера голосами (№ 7). Именно до Святского, согласно другой легенде, прогнали запряженного в плуг змея Кузьма и Демьян, и там остается с тех пор никогда не зарастающий ров (№ 5). «На самам на етам вóзяры» жил местный батюшка, дочка которого вышла замуж за змея. Так повествуется в одном из вариантов сказки «Муж-уж», названной исполнительницей «рассказом» (№ 3). С тем же сказочным сюжетом напрямую связывается у жителей села и само кукование кукушки в лесу (№ 4), и одна из распространенных песен — гряная «Пакукуй, кукушка, ў зялёнам садочку».

«И сказка из жызни ўзята, и песня», — утверждала Мария Даниловна Таранова.

* * *

Фонетические особенности местного говора⁶ передаются средствами русской орфографии — за исключением «ў» для обозначения «у» неслогового и билабильного «w». В публикуемых текстах сохраняется «аканье», «иканье», «цоканье», твердость «ч». Вместо разделительного «ь», отсутствующего в белорусском алфавите, употребляется апостроф. Буква «г» везде обозначает «г» фрикативное. Особо отметим, что при сказывании не происходит ассимиляции согласных и оглушения согласного на конце слова (к примеру, написание «еж» вместо «ешь» в тексте соответствует реальному звучанию). Сохраняется вариативность произнесения одних и тех же слов («ана» и «яна»; «ўжэ», «ўжо» и «ужо»).

За некоторым исключением опускаются случайные оговорки исполнителя. При ярко выраженном стяжении звуков в процессе сказывания восстановленная часть слова (буква) отмечается угловыми скобками.

Ударения проставлены с учетом особенностей местного говора и особенностей произнесения.

Заглавия, принадлежащие исполнителям, заключены в кавычки. Реплики по ходу сказывания, дополнительные пояснения, трактования сюжета, принадлежащие исполнителям, указаны курсивом в круглых скобках.

1.

«ПРА ИЛЬЮ МУРАМЦА»

Ну, ета Салавей-разбойник быў. Жыў ў таких драмучых лясах.
И сплетухаў ўвесь лес (як калісь во ў баяраў были да ў багатінаў).
И звиў такая гнёздо, што за пять кілометраў ніхто ни мог падступіцца к етаму лесу. Як стане свістаць — лисця падаю і з дрэў. И ніхто ни мог дажа падступіцца.

⁶ Подробнее об этом см.: *Скрелин П. А.* Фонетические особенности говора села Столбун Гомельской обл. Беларуси // *Русский фольклор.* СПб., 1993. Т. 27. С. 255–257 (Приложение к указанной публикации Ю. И. Марченко и Л. И. Петровой).

Ну и што. Етый Ильля Мурамец прышоў к цару ў Киеў-град. *(Так и писана: Киеў-град.)* И кажа на цара: «Цар-батюшка, дай мне лошады! И скуйте мне булаву. И я поеду. И я, — гавора, — Русь сваю аслабаджу ат етава Салав'я-разбойника». Скавали яму булаву. Даў ён каня. *(Не!..)*

Едя каравашиник. Каравашиник едя и гавора: «Ну купите ў мене вот ета<га> рóсливага кóника!» Так ета Ильля Мурамец и кажа: «Цар-батюшка, ну купите мне етага! Ета богатырский конь». А ён: «Ну зачэм табе — у мене ж багатырский конь». — «Мне ни нада, но Богам так послана. Купите етага мне коника!» Яму купили етага росливага коника. Ён пастаяў пять гадоў у яго и зделаўся конь багатырский. Ёны скавали яму булаву. Сел на етага каня и едя.

Ну, пад'яжджая ешчо килóметра да етага Салав'я-разбойника. Ён и крычыть: «Хто мой пакой нарушая? Хто сюды едзя?» — «А ета едзя к табе багатыр. Едзя Ильля Мурамец». Як свиснуў — так конь па калена в зёмлю! И ён ўстае, ўстае, булаву бярэ, Ильля Мурамец. И гавора: «Если хочеш падабру — варати каня и сам варатись. Изначэ табе смерть!» А ён гавора: «Нет! Излазий аттуль — мы с табой паборымсь». — «Я сичас свистну — и дажа кастыны тваей ни астанётца!» Ён из лука як стрэльнуў — и выбиў ему правый глаз. И ён и з дрэўа ўпаў. И з дрэўа ўпаў — ён к стрэму прывязывая Салав'я и едзя у Киеў-град. Так Салавей еты прося: «Ильлюшка! Я буду ў тибé рабом век свой — ну ни бий мене, ни стрыляй мене!» Ён прывозя и к цару, отдае етага Салав'я. Так цар и гавора: «Ну, папраси: нехай свисня!» Ильля ета папрасиў. Ён як свиснуў — ни аднаго вакна ни асталось с стяклом, и ўси на калени пападали. Так што ж бачаць, што эта ж бедняк Ильля. А ета ж багатыны у цара, и яны на Ильлю так рассёрдились. И вот Ильля стаў из хаты выхóдзить — а яны ужэ таки павесили, вот, ну жалеза такая, штоб Ильля галавой удариўсь и убиўсь. Ильля-та и выходя. Ильля стукнуўсь — и Ильлю ни бярэ. Ну ета такой жа бага<тыр>...

(Дак Ильля жа ў святых. И во як жа — Ильля цяпер Ильля Прарок стаў. Етый самый стаў Ильля Прарок, што Салав'я пабедиў и астаўся у етага верным слугой, у етага у цара. Пабеждáў, куды ён яго ни пасылай. И атбивáў ўси войски. И астаўся святы́й Прарок Ильля Мурамец.)

2.

Муж-змея

Ну так. Жыла женшчына, ўдава, на хутары. Былò ў ей двоя дзятей: сын Иван и дачка Мар'я. Сын быў жанатый. И ета Мар'я и з нявесткай спали ў клéти. А сын ноччу ездий пахаць зямлю.

И вот хадиў к етай Ганни дабраходжый жаних. И яна з им спáла. И дажа приказаў еты жаних, штоб дажа-й матцы ни казала. И яна никаму ни казала. И вот ён ей сказаў, што ў нас с табой будзя заўтры свадзьба: «Памыйся, адзень венчальная плацьця и лажысь спат».

И яна ета зделала: памылась, адзелась, лягла спат — и ноччу памёрла.

Ўстала ета нявестка и гавора: «Мам, наша памёрла Ганна!» Матка: «А чаго ж ана памёрла?» — «Ни знаю, мам. Ана памёрла! Пагляди хади ў клеть — ана памёрла». Матка приходзя ў клеть — а Ганна мёртвая.

Ну и сабралися харанить ету Ганну. Тольки вынясли гроб и з Ганнай на сэрэдзи двара, як захватилась б́ура, ураган, в́ихар — и у гроби ни аказалася дачкí. Ну, матка плакала-плакала. А што падела-иш! Нимá дачкí. И сем гадоў жыла — и дачкí нима.

Пашла ета нявестка у грыбы́ через сем гадоў — ўстрычае ету Ганну: идзець па лясу з дваима дзеткамы. Дак яна, нявестка, и кажа-й: «Ой, Ганначка, дак эта ты?» — «Я». — «Ну, а йдзе ж ты?» — «А я замузам. Жыву пад вадой, у падводнам царствии, с хазяинам. А ета маи детки». — «А хто ж твой муж?» — «А мой муж — змий». — «А як жа ты прыходзиш, и як жа ты к яму идзеш?» — «А я прыхóджу к мору и крычу: „Мой муж, Каптур, вылазь аттуль!“ И ён выхóдзя, забирае нас, и мы ни бачым ни вады, ничóга». — «Ну, Ганначка, дак хадзи ж ты и к нам ў гости: то жа матка ни паверыт, што як эта ты живеш сем гадоў и к матцы ни приходзиш!»

Ну, Ганна эта сабралася и з дзеткамы и пашла к матцы. Прыходзя к матцы. Матка яе угасцила, накармила, напаила и гавора: «Ой, мая дачкá, як жа ты з змеем живеш?» А яна гавора: «Мамачка, а мне ж так харашо, а мне ж так дóбра!» «Ён жа, — гавора, — змий тольки бывае, як выходзя за мной. А там жа ён — харошы мужчына».

И яна што, матка эта? Пакуль дачкá тут пасядзела — яна пашла к мору, пакликала ета яе хазяина: «Мой муж! Капту́р! Вылазь аттуль!» Тый змей выпаўз — и яна яму атсекла галавú. Як атсекла галаву — всё морэ зделалась красным у кривí, кров'ю.

Прыходзя и гавора: «Ну, мая дачкá, тепер ты уже туда ни пайдзёш. А будиш жыть з намы. Я атсекла тваему змею галавú». А яна и гавора: «Мамачка! Ты ж пагубила ўсю маю жызню! Мне ж тепер век свой скитацца, лятаць па лясам и плакаць-прычýтаць». — «А чаго цябе па лясам лятаць?» — «А як жа! Я зделаюся зязюляй, а сын — салаўём, а дачкá — ластачкай. И мне вякаваць — ни гняздзельца ни виць. И мне векаваць — у чужым гнязде яйцы несць, и векаваць, плакаць ўмéсте с ўдóвамы».

3.

«Муж-вуж»

(Ну, як вам зразу рассказ еты начаць?) Ну вот. Ну ў нас быў ба-
тюшка, жиў. И ў етага ў багюшки ета на самам на етам вóзяры была
дачка. И з<а> естай дачкóй ухájываў, ну, багатыр. А стяпёр ўжо мы
ни знаим, хто и што, а тады ж — багатыр. А бацька и matka ж ни зна-
ли, што ана з им знайтца. Ён невидзимый, багатыр етый, хадзиў к ей.

Ну и кали ана ўжо пашла за яго замуж — и ён вот тут здзелаецца
человекам. А як ўжо вот куды-небóудзь нада — и ён здзелаецца вот як
вуж. И вот яна выйшла, ета дзевушка, замуж и ни сказала ни бацьку,
ни матцы. Ну и жывé. (*Яны ж ни хатели за яго атдаваць!*)

И брат у еé быў. Дак хатели яму ж <мужу-ужу — Л. П.> галавú
ссеч, присцярэшч яго — и хатели яму галавú ссеч. Ну, а вот, па-видиму,
што ни дано ему етага, штоб атсекли галавú. (*То всё ж багатыр, ён жа
более-меней знаўся с законам.*)

И кали яна радзила ўжо хлопчыка и дзевачку. Вот стал ў их хлоп-
чык и девачка. И яна...

Просятца дзети ўжо вот: «Ну, где ж наши ж дзед, баба?» И яна им
сказала, што ў нас ё дзед и баба, но я вас жалею туда пускать, патаму
што яны нашу ўсю жызн разарыяць. А дзети просятца: «Як ни мож-
на! Пусти нас! Мы ни скажым, идзе мы живом». (*Яны жыли — проста
як нивидзимыя люди жыли.*) Ну и яна их пустила, этих дзятей ўжэ:
«Ну идзйтя! А суды прыйдзитя, я тады вас тут ажыдаць буду. И я
вас тут и забяру». И вот дзети етыя прышли к бабе и к дзеду и рас-
сказали: як бацька ихний ўжо прыходзя дамоў, як ўжо... (*вот як нóра
такая*), дак як ў нóру идзеть — як вúжам, а дамоў прыйдзя — наш
папка харошы мужчына, як ўси.

Ну, етый самый бацька и сáмы етый сын ўжо надумалися згубить
етага самага багатыра. (*Што ж ўжо: дачка ж там!*)

И вот прыйшла ета дзевачка и хлопчык. И бацька и сын прышли
вслед за етыма за дзятямы и прыстерагли етага самага багатыра. Кали
етый багатырь только шоў дамоў — яны яго тутака убили. И яны
стали на вóли — вóдимыя стали: сын, дачка и matka. А бацьки ўжо
нет. Бацьку убили ихнего, багатыра етага. И яна сказала, што «ты,
мой сынок, ляти салавейкам, а ты, сúккина дачка — выдала нас, што
мы ета... (*дзевачка рассказала*) — дак скачы ж ты век свой жабай.
А я палячу зязюляй».

И вот яна лятае скрозь и крычиць: «Ку-ку! Мой муж! Капту́р!
Вылазь аттуль!» Вот я<к>. (*Аж жалка, як яна кúкая! И яна только
да Пятра кúкая.*) А салавейка вылятае скрозь. Скрозь и скрозь пяё
адзин салавейка. А жаба прыгая па берагáх.

(Вот яна́ прақляла, матка: дачку́ жабай паслала, а сына салавейкам, а сама — зязюляй.)

4.

Муж-зме́й

Сабра́лися старыки. Ну што ж яны сабра́лися? Тады ж делали... Вот нада ехатъ ў саўхоз, ў калхоз, ци на талаку́: вот таму хату вырзатъ, таму хату пастроятъ, мужчынам. И яны запрягають пятера ко́ней, едутъ ў чужую дярэўню за пийсят километраў ат сваей дярэўни.

Ну, прыезжаюць ў дярэўню, абыйшли ўсю дярэўню: то там дзети малые, то ни пускаецъ. Ну, заходяць — бабка-старушка адна́ на пёчы ляжыць. Яны просятца у яе на́ нач. А бабка тая ка́жа: «Дзетачки! Да я ни жалею. Ў мене жэ дзве хаты. Ну вы ў мене ни будитя начаваць!» — «Да бабачка! Да чаго ж ни начаваць? Пять мужчын — да мы любому змею галаву́ аткрутим. Ну як-та мы ни мо́гам начаваць! Вы ж пуститя, пажалуста». — «Ну лажытесь». Ўдоле саломки разаслала, укрыла их. Лягли спаць.

Як двенадцать часоў — ко́ней с пўни ўжо хто-та выгнаў. Кони иржуць на весь двор. И етыя хазяева́-мужчына паўставали: што ж кони ж кидаяца на́ стену? И яны вышли на двор. А кони тыя дрымцяць от спугу. И яны ко́ней етых пабрали, па-соседски к другому дзядьку атвяли на двор. И самы ўжо туды пашли на́ нач.

Назаўтрага паначавали, прышли к етай ба́бцы да и ка́жатель: «Бабачка! Ну што ж-та ты, вїдна, якая каўдуння! Што ж-та ты и нас выгнала с хаты, и ко́никаў наших. Ни дала им атдыхнуть, и ко́никаў наших выгнала». — «Дзетачки, я ни калдуння! А вот такая мне была история жызни. Дак и я вам шчас расскажу, што...

У мене быў сын. Сын и здесь далёка, на атлётни живё. А дачка́ Ганна живё са мной. И нявестка з дзеткам живе са мной. И яна як только вечар — ни идзецъ к дзевачкам гуляць, а йдець и з естай нявесткай ў клець спаць. И я ж етага ничо́га ни знала. И яны мне ништо ничо́га ни казаў. А ўжо послни нявестка як рассказала, то к им хадзиў дабраходжы. Дак ни любииў жа нявестку, а любииў маю дачку́ Ганну. И ко́ждый год хадзиў, и ко́ждый дзень хадзиў спаць ў клець.

И вот последний дзень прыходзя ён и гавора: „Ганна, заўтра ў нас будзя свадьба. Вьтап баню, памыйсь, пачашысь и надзень самая вянчальная плацьця. У нас заўтры будзя с табой свадьба“.

Ну и Ганна ж так и зделала. Ўсё ета зделала и пашла з нявесткай спаць. И ён прыходзя, жаних етый. Ён падняўсь пашоў, и нявестка пашла ў хату. А Ганна ляжыць — памёрла.

Яна ўвыходзя ў хату да і кáжа на свьякруху: «Мамачка! Памёрла ж Ганна!» — «Ой, мая ты детка рóдна! Як жа яна памёрла? И ў бани мылась, и павячэрыла, и пачасалась, и вянчальная плацьця надзела. Ну што ж-та такая з ёй?» — «Ну, мамачка, я ни знаю. Ганна памёрла».

Ну, матцы што ж нада дзелаць: нада ж пахаваць. И зробили гроб и павязли еé хаваць на кладбишча. Як давозяць да раскрэс: што чатыры дароги ў адну дарогу зливаюцца — и падняўся такой вихар, што гроб стаіць, а Ганны ў грабу нима. То матцы была гóра, то ж ишчэ пагóрэла.

Як стала матка плакаць пять гадоў. И ни спиць, и ни есць — сохне па даццё. А нявестка ўсё знае. Но быў строгий прыказ ат тóга жэніха: «Если ты ету тайну выявиш — то мы тебе акалечым, и ты будиш калекай». И Ганна⁷ так падчэнялася тóму жэніху: и ни матцы, ни хазяйну — никаму праўды ни казала.

Пайшла яна ў восянь ў грибы с карзинкай. Паглядзець — идзець Ганна па лясú. И вяде двоя дзетак: и хлопчыка, и дзевачку. «Ой, Настечка, ну здароў жа табе!» — «Ой, Ганначка, як жа табе ни стыдна, што ты дасюле глáсу ни давала! Ужо я — то я, а матка ўжо можэ и памёрла да сiх пор. Хадим-ка мы дамоў!» — «Ну, Настечка, хадим. И я пайдó ўжо матку атвэдаю».

Прышли дамоў. Матка тая пасадила есць. И дзетки ужо, хлопчык и дзевачка, — ўси сели за стол и давай есць. А только матка спрасила у еé: «Мая дачкá! Ну идзé ж ты жывéш?» — «Мамачка, пад вадой жыву. Я жыву пад вадой. Такая там царства падводная, што на етам свети такога нима багатства». — «А хто ж твой хазяин?» — «А мой хазяин — змей. Эта ён змеям выпаўзая на ету зямлю. А ў падводнам царствам таки делаіцца красавец — вачэй ни атвесць!» — «Ну, а як жа ты яго гукаіш, як прыходиш — вот сичас ат минé и пóйдеш и будиш зваць яго, штоб ён тябé ў падводная царства ўзьял?» И яна гавóра: «Я буду так гавариць, што «Мой муж! Капту́р! Вылазь аттуль!»» И ён выпаўзая, и дзвер аткрываіцца, и мы смела з им идóм».

Пакуль Ганна тая пад'ела, матка тапор ўзьяла, пагукáла: «Мой муж, Капту́р, вылазь аттуль!» Ён выляз — яна яму галавú <a>тсékла. И морэ зробилася ўсё красная ат крывi.

Прыходзя дамой и кáжа, кинула тапор ў крывi и кáжа: «Ну, мая дачкá, а сичас ты будиш жыць з намы, и дзетки твай будуць: я ж твай-го змея засékла!» — «Ой, мамачка! Нашто ж ты ета зробила! Ты ж мне зробила нишчáсницай за ўвесь мир. И дзети — сiраты, и я буду нишчáсницай. Дачушка будзя ластачкай, сын будзя салавейчык. А я буду нишчасіная какúшка. Буду и век свой лятаць па лясáх, и век

⁷ Ошибочно вместо «невестка».

свой буду плакаць, што ты згубила маю жызню, абидзила мне и абидзила маих дзетак».

(Вот пагоним на паству — дак ой, аж плакаць хочэцца, як яна..., эта у яе: «Мой муж! Капту́р! Вылазь аттуль!» Эта у яе такая песенка.⁸)

5.

«ПРА КУЗЬМУ И ДАМ'ЯНА»

Ну, эта были тож два браты. Яны, ў обшчым, кавáli были. (Тады жа ўручную кавали ўсё). Ну и яны сэбе зделали кузьну. И яны, ў обшчым, так: як вот ад Господа Бога пасланы. (Ну, тада ж ниграматы народ. То ж цяпер жа учатца. А тады вот Гасподь даваў вум-зразум таким людям, што нада ж каму-небудзь быць разумнаму, штоб жа и етыя люди панимали, куды абратитца и што — за памогай. Тады ўсё ўручную делали). Вот яны плуги пахали, ци то кавáli. Ну ўсё: капаніцы, нажы, штоб жа люди чым-нибудь магли абрабатаць зямлю.

И вот тож таки самы быў змей. Ну, то быў змей с адной галавой. И вот ён... (Эта быў вадзяны́й⁹, а эта быў на сушы змей таки.) Ну и ён, проста як ужо яму прыходзя очарэдь... (Ну ўжэ паочаради вадили). Ну и прышла вочарэдь и к етым кавалём. А кузня их стаяла кала вады. (Там жа, ну, прымерна, еэжели нада што падлить пад якоя жалеза вады, там намачыть — штоб жа и ни насыть. А штоб жа выйтить — да и тут близка. Ну и яны кавáli.) И вот прыходя еты самы змей. И говора: «Ну, каторы з вас мая дабыча?» А яны гаворать, што «Ешче ни хвались, а Богу мались!», што «дабыча ни пойманая и ты ни можаш так сразу нам аўтаматичэски прыд'яўлять. А вот ты ежали прализаш нашу кузню за три разы языком, то, знáчать, выстаўляй язык — и мы табе пасóдим чалавека». А самы в эта время кавáli таки плуг бальшы. Скавали жалезныя етыя такия два пруты, хамут — у обшчым, усё зделали так-от. (Ну жа Гасподь-та им рóзуму даваў. Так жа сразу ни сделаеш етага!) Да. И зделали плуг. И вот ўдвох дяржать ета. Распалили так ужо горн ета, што дакрасна, такия шчыпцы красныя нагрэли. Ўдвох дяржать... Як тольки ён прализаў за три разы кузню и высунуў тут язык — и ўдвох ўзяли багатыри тыя. (Яны жэ, шчытай, багатыри: разве бы яны удёржали етага змея шчыпцамы за язык. Ён бы шмаргануў — яны б были...! Так. Гасподняя сила была!) И яны держать ўдвох ў кузни за язык, а трэтий выняс

⁸ «Ужэ и кукушак мала, — сетовала при этом М. Д. Таранова. — Удабрэнием пазасевали — ўси ўжэ пtiцы прапали. Нима ўжэ ни ластачэк, нима ўжэ ни кукушэк, нима никóга! Тольки адны варабейки да вароны-сароки астались. А то ўжэ ат удабрэния пагибла ўся природа наша. Дрэвы и тыя сохнуць!»

⁹ Имеется в виду сказка «Муж-змей».

етый самый хамут, на яго накинуў — и в етый самый плуг. И яго так ета шчаміли и запрягли. И пагнали на ём да... да Святскага (*Эта Святская — где вы были ўчбра. И во эта канава на левай стóраны, як едиш ў Святиловичы¹⁰, — эта таки роў быў. Ён никалі ён ни зарастая, никалі ништо. Па тэй радóк дак роўненька канайка. А ета, як прагнали на том на змяю, — еты роў. Ён и ё па сех пор.*) И як дагнали да Святскага — и ён там вады напиўсь и лопнуў. Ўсё равны пабедили.

И яны стали святымы. Вот и их праздник: Кузьма — Дам'ян.

6.

«Пра Юрья-Ягорыя»

Ну, быў жа вот такая была мóра. Людзей-та нибагата было. (*Эта ж тяпер жа миру многа, а тады ж ишчэ людей нибагата — ну, што в очэради.*) Ў общчим... цар ужо быў. Ну, цару ужэ як прыказ як змей (*Ён жа па-чалавечаски гаварыў*): штобы вот вадить ужо яму на з'ядения: вот скóльки он ужо ска́жа, сколько он пажырая ў день. Ну пёрва — скот давали ужо ж: жалка ж зразу народ. Скот пажраў весь. Што ж эта: нада ж кармить. (*Што жа ни кармить — такая махина!*) Ну, скот пажраў — ужо нада вадзить людей.

Ну и вот перадавалися, вадили людей па вочарадзи. Дашла вочарадзь да цара. Ну, цар ужо што ж: сын и дачка́. Жалка ж и таго весть, жалка ж и таго. Ну, давайте кинем жéраб, на каго выпадзе.

Выпаў жéраб на дачку́. Ну и ён ужо ее привёў и привязаў. (*Там стоўб ужэ таки стаяў спецыяльно: што ужо привязуть ти привядуть и привяжуть, штобы ужэ ни ушла дабыча.*) Ну и вот яна ужэ сядить, <я>на кала сталба и плача. И вот едзя етый самый Юрий-Ягорай и спрашывая: «Што так гаразда плачьте? А чом запечалились так?» И яна яму паясняя, што «прышла мая вочарадь етаму змею на з'яденьне. И вот я последния минуты на етам свети жыву. Шчас ужо мне прыйдя крах!» Ну, и ён гавóра, што вот «я вам на калени лягу, засну, а вы мне тада разбúдятся, патаму што я з дароги измучаны». (*Ну да можа ж ишчэ где яму траплялась што такая пабяждать.*) И ён як лёг на калени — заснуў багатырским сном.

Ну, и вот яна ўжо чужа, што мóра шумить. Ужо ж ён вылазая з мора. И яна сколько яго ни будила — ён нияким рóдам ни... даже ни пашавóлитца, патаму што он жа эта ж багатыр. Ну и яна стала плакать, што... гавóра: «Госпади, хай жа ужо миня привязли на ета... на з'яденьне! Пагибне же чэстны чалавек, з-за маего гора и ён пагибне!»

¹⁰ Светиловичи — крупный населенный пункт рядом с оз. Святским.

И так стала плакать, и упала ее слеза яму на шчакú. И ён, як ужо упала сляза, — и ён прахапиўся. Гавóра: «Ох, как вы мине абжагли!» И яна плача и гавóра, што «ухадзится, а то и вы пагибнитея». А ён гавóра: «Нет, я ни уйду! Па тых пор ни уйду, пака будзя пабеда: или за мной, или жа будзя за ним пабеда».

И вот стали яны сражатца з естым змеем. И тада тых пабили, што он ужо чувствуя, што он ужо теряя дажа силу и конь теряя силу. И вот ушоў конь па калены, задныма нагамы па калены ў зямлю. И ён гавóра, што нада трохи перядб́хать. Ну а змей ни саглашаитце. Всё раўно ж ён ужо збиў сколько гóлаў. Ну и вот па тэх пор бились, и ён падкамкаў каня — задния ноги скрутиў змей, што ужо... Хоть ба ён, можа, и вырваў конь ноги задния, дак ён яго закрутиў так ужо крэпка ноги. И вот он быў звалиўся Юрий с каня, а патом Гасподь яму прыбавиў силы. И ўсё раўно-таки ён збиў ўси етыя головы, астаётца адна галава. И ён гавóра, што «давай мир, заключым мир», — змей-та. А ён гавóра: «Нет, я прасиў у тебе перядышки — ты мне ни даў. А тепер ужэ нияка́га миру ни будзя ў нас. Мир тады будзя, хто пабедит — тады будзя мир, на ўсём зямном шары будзя мир». И вот ён збиў ўси головы, збиў и ў груд¹¹ скатиў дванадцать гóлаў¹². Да. И вот сейчас як скатиў — и сажгли.

Ну только нада б́ыла.. ён... ён ужо... а после гавóра: «Да, я и сам ашыбку паймеў. Нада была ўзяць што-нёбудь и пóтым зарыть, штоб нигде яго ни сушчаствавала. Нигде дажа ниякая, нийде ништо!» А вот яны ўзяли па ваде пустили — и вот етыя самыя мухи вадзян́ыя, ета тыя самыя гады. (*А яны ж як ўжалят, дак ты тут падскочыш, як ўсё раўно паджараны.*) Ну и вот он пабедиў.

И он стаў святы́й Ягорый. И ён многа дел делал, ўсюдых па свету ездзиў. И ён только ездзиў глядзеў, штобы люди были зашчышчаны́.

(*Ежали ж бы ён ни збил жа етага дванадцатиглавага — ён бы пераел всих людзей на етам на свети. А эта ж вот Гасподь паслал багатыра, штоб жа ён яго пабедиў.*)

* * *

Были, у вобшчым, были такия ешчэ случáи. Етый самый Юрий... Расá вот у нас называетца. На Юр'яву расу гоним кароў. Ета такая названия вот. Да.. И вот кароў выгнали ўси на Юр'яву расу. И вот идзеть такая т́уча — стая валкоў. И вот ужэ ўси люди папужались, думали: вот ета ужэ ўси валки́ ўсё ета стада кароў пагубять.

¹¹ Т. е. «в грудy», «в кучу».

¹² «И зделалася мора красная ат кала яго», — подсказывает М. Д. Таранова.

А ён аткуль узяўся етый самый Юрый. И пуга ў яго такая длинная. И ён только пугай етай лясь-лясь — и яны только угинаютца, ни ядин ни звярнуў ни на бок, ни на карову ни звярнуў. И як гнаў, и ета стада пагнаў. И ўсе асталися каровы цэлы, люди довольны.

И ўсё вот он ўсё добрыя дела делаў, Юрый етый самый, Юрый-Ягорый. И яго так и завуть.

* * *13

Вот як хто ли карову укўся — ну, ў каждом дварэ ё гад¹⁴. И вот як укўся — и ўсягда. (*Спътая мая матка дак эта ж вот.*) Юрый-Ягорый на белам кане наедзя, мячом засячэ... и пóтам запáле и па чыстаму полю разнясе.

7.

ЛЕГЕНДА ОБ ОЗЕРЕ СВЯТСКОМ

...А на етам прыстоли, йде батюшка жыў, этый самый батька ея¹⁵. Вот приехаў к яму ў гости ўжо таварыш там, чы там купец, чы ўжо — ну, ихния етыя самыя глаўныя начальники. И гавóра вот яму, як прэдсказывая хто што: «Убярись атсюль, убярись атсюль!» И ён вот убраўся и ета... ўжо запрог пару кóней и ехать. И забыўся на стале книжку. И батюшка хрэст свой клал на стол. И вот только етый выехаў аттуль, гость етый ат етага ад батюшки (*Можа, архирэй яки там быў у их — хто их веда!*) — и трэск палучиўся, таки шум, што нельга... даже ни паверыў вушамы сваимы. И пакуль он ат'ехаў — ўсё вóда. И абразавалася вóзера Святская.

И кали ён ўжо... заинтирисавала яго паглядеть на ета Святская, то на етам Святском плаваў стол, только адин стол. И на сталé книжка и хрэст. А людзей больше никóга ни былó. И вот кали ета ужо правалиласе етый пасёлак, где ён жыў.

(*И вот кались ешчэ батька пакойничэк рассказываў:*)

Гавóра, паёдим з батькам (*батька мой да с сваим батькам*) пахать туды к Святскому. (*Палоски были там.*) Гавóра, лягам мы к зямле — дак чуть бы́ла, як даже люди разгаварыли; што тады зямля низаклятая

¹³ Запись от М. Д. Тарановой.

¹⁴ «Ну эта ж дваравы́», — уточняет А. Л. Фяськова.

¹⁵ Имеется в виду главная героиня сказки «Муж-уж», рассказанная перед этим А. Л. Фяськовой (см. № 3). При дополнительных расспросах о действующих лицах легенды исполнительница пояснила: «Быў жа там батюшка жыў... И сем'я ж яго жыла. К яму ж з'язжались. Ета ж было бальшое лицо кались. Это ж ни то, што счас ужо. Ета ж што: ета в сяле батюшка, там, можа, писар да, можа, ешшэ там два челабеки на ўсю область — дак ета ж начальства была».

была. Ужо тяпер зямля заклятая — нихто ничо ни чуя. А тады, кажа, вот вроде чуем, лягам к зямле и чуем, як там гавора. Вот свиней мoнiаць, кажа, там гусей ти курэй. Кажа, вот лягам — самы сабе ни верым, што чуть, што там люди разгаварывають.

И вот палучыўся етый самый правал — во ета и «Святская» называетца. Вот только ругатца-ти: «Штоб ты Святским узяўся!»¹⁶ Во ета наша Святская ета. Вот такая ета история.

8.

О «ДАБРАХОДЖЫХ»

...Ни ўсе, ни ўсе видять русалки. Это каму только дано видеть. И дабраходжых жа ни ўсе бачать. Былі такая — называетца «дабраходжыя». Вот каго палюбять етыя дабраходжыя, и яны, ежали только так, жыв'ём, ее ни увядуть и з сабой — значыть яны ўсё раўно яны её бяруть мёртвай.

У нас была жэншчына, маладая такая. (*Ана з майго году.*) И вот яна была, ну, так красивая, чыстаплотная. И вот яны ее... проста яна панравилая им. И яны — яна ў ету траву, где идтить, — яны ей палкай вот па назе, кажа, стукнуть — их и ни бача, а только ўлаз. Вот, гаворя, стукнули па назе — и яна як кинулась дамоў, чуть припалзла так. Вот разы два.

На кане, гавора, на таких конях прыедуть — аж ляльки плачуть. Кони-та кругом двара паездять и паехали. (*Дак ета ўжо суседи бачыли.*)

Ну вот яна паехала салому скирдавать на кани. Ўзяла з сабой хлопчыка свайго. А дачка рвала траву ў кияках там, ў том. Ну и вот яна як прыехала только — и тут ее сичас жа... И ни стуку, ни звуку — упала и ўсё. Ани ей и в бальницу, ей и туды, ей и сюды — ничога, ўсё.

И вот... и тады прысниласе ее матцы, што ни так, дак другим маерам — ўсё раўно ведь забрали. И яна памёрла.

9.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ «ДАБРАХОДЖЫХ»

Ну ета, проста тож... багатыры. И яны <не>видимыя...¹⁷ Вот сколько людей видимых — столько и невидимых. Вот. Ета кались жа у Ноя было ж двадцать чатыре дитёнки. Ну, а ён ни признаўся, што столько. Только признаўся, што дванадцать. И вот Бог, раз жа ты-ат скрыл

¹⁶ «Ну, правалиўся, штоб ты правалиўся! — поясняет А. Л. Фяськова. — ...Ну, святая ж место. И ўзяло́ся вадой».

¹⁷ Ошибочно было произнесено «видимыя».

ат Бога, што у тибя дванадцать – дванадцать ён стал бачыць, а дванадцать (*иде делись!*) ён ни стал бачыць, Ной (*Як каўчэг строил ишчэ, дак*). Ну и вот. Стольки людей видимых — стольки и невидимых.

10.

О ПОЛУДЕННИКАХ

Вот у небе гудуць — вот называетца «палуденники», «палудённички». Бывала, жном жыта, ну и кажым ета: «Хадзита, палудённички, хадзита з намы палуднавать!»

А ета палудённички — называетца так: нехры́шчаные дзети. Вот у каго ана рóдитца — ни успеваютца перэхрэстить, а ў каторый бальшы́й дитёнак (*матка так халатна атнясетца*) не хры́стя памр́. И яго ни примают нигде. Ён нигде... Вот так ужо па Писанию пишэ́тца. Ды и так прымерна люди абми́рала — дак бачыли. Ходзя вот, — гаво́ря, — нигде, нигде яму нима прыстанища, крамя — у каго хросная матка, то паручаетца за яго, што вот я хрыстила, я з им была пад Храстом. Ета хросная матка яго бярэ на паруки. И ён вместе са ўсими, где ужо ўот пачивают ўси — и ён там. А етыя скитаютца: нигде яны ни причеленные, патаму што аны нихры́шчаные, и на их нима ниякага у обшчы́м абра́ду вот християнскага.

И вот у нас тут жэншы́на (*ана памерла-й сама*)... двоя дзятей была бальшых — и ана их ни хрыстила. И вот была такая дизянтэ́рья, и яны памэ́рли два разам. И вот ана... снятца яны ёй ва сне: ходзять и плачать, што у ва ўсих дзятей яблочки цэ́лыя даю́т, яблочки. А нам ниhto ни дае. Вот. И ўси детки ў кучацы, а нас ниhto ни прима́я. Ну, и ужо ёй прыснилася: што нихры́шчаныя тваи дзети. Ну раз нихры́шчаныя — значыть им нима нигде ниякага апра́вданья... И яны ж самы за себе ж ни дагаво́рятца, патаму ж яны ма́лые, яны ж ни знаю́т, чы нас хрыстиў хто, чы ни хрыстиў.

И вот етыя самыя палудённички — ани ўсё гуду́ть, и гуду́ть, и гуду́ть. Вот як плача́ть. (*Патаму што ў дзятей, ў хры́шчаных дитёнак, ён ушоў ў хры́стьянскую веру. А ета — проста вот як ён между неба и зямли. И ён як и ни там ни пристаў, ни там ни пристаў. И вот и стараяца, як тольки нарбóдитца дитёнак, скарэ́й хры́ститъ, штоб жа ён ушол ў хры́стьянскую веру...*)

Люди ж вот видели дажа и... ну и чули, кались жа чули. Яны и мы вот: бывала, лён б'ём — дак гуду́ть вот ў небе, и ниhto ни ба́ча. И вот гуду́ть и гуду́ть — вот як звеня́ть прима́я. И ўси так ета: «Палудённички гуду́ть!» Вот. Палуднички гуду́ть — скоро палуднавать буду́ть. Вот ужэ як садятца люди палудна́ть — и их ужэ заву́ть: «Ну, хадзита з намы палудна́ть, палуднички!»

(Ну эта ужэ так-ат абычай. Ну, Гасподь так ужэ даў, што нийде яны ни прычастны. Дак ужэ-ат люди так гаварят, што «ну, хадзятя ужэ палуднат, палуднички!» Ну, а можа яны и кала нас сядят, да мы ж ни бачым!)

11.

О РОДИТЕЛЬСКОЙ СУББОТЕ

(Вот было так... Вот ужэ как ... паминають радителей...)

Вот хадзиў нишчый па вулицы. *(Тады ж нишчыя были.)* И вот к<a>к раз вечэря была па радителях. Дак ён папрасиўся на́ нач. И яны на́ нач ни пустили. И ён сел на ихней зугалине и ну думая: начавать тут буду. И вот ужэ дванадцать часоў, гавора, як ўлазя стольки, гавора, людзей. Ну и ён ужэ сеў на ихней зугалинцы кала акна и сядит, думая: ну куды идтить на нач! Ужэ людзи ўси спать палягли. Ну и вот, гавора, як идеть ужэ стольки людей, гавора, ў дванадцать часоў нocy. И гавора, ну, на яго. «Што ты тут сядиш?» — «Да я, — гавора, — папрасиўся на́ нач — ништо ни пустиў». — «Ну дак пашли з намы!» И, г<ав>ра, сядятца ўси за стол, ўси, и гаворять... яму так ка́жать, што «Што́ мы будэм есть, то и ты еж. А уж што мы ложки ни ма́чаем — то и ты ни трогай».

Ну и вот, гавора, зайшли ў хату. Так вот крухмал (ва́рать вот, ну, прымерна, кисель з крухмала) — дак яны ништо ни селя́л ложки. А яму вот ўсе́-таки ж, ну, захателася этага. Што ж так ани ни селяютца? Гавора: «Чы несмачно, чы што?» И ён заселиў. И як заселиў — як праснуўсь. Паглядить — сядить ў хате, ў той самай хате, ў каторай ни пустили на́ нач. На куте́, адин. То было́ людей стольки, а то адин сядить.

И кады праснулися хазяевá — паглядять: ён на куте́ сядить. «Кудой ты вышóл? У́се замкнута, ўсе́ запёрта!» И ён им рассказывая, гавора: «Ишли, гавора, стольки людей, а я сядеў на зугалине. И яны гавора, што пашли з намы. Вот. И яны, прышли, сели за стоў. Тольки мне прыказали, штоб я ни чапаў. Што яны ни чапали, дак штоб и я то жа ни чапаў. Но я ни паслухаў их. И я вот памачыл ложку ў крухмал — и я аказаўся... Можа б я з имы разам и вышаў. А я аказаўся на куте́. Я як праснуўсь — пагляжу: адин я на куте́ сяжу».

И яны пашчупали — ўсюду ж запёртыя дверы и ўсе́, ўсе́ пазаперáта. А ён адин сядить на куті.

(А вот, ваабшчэ гаварá, на... як Радитяли <т. е. поминальная Родительская суббота — Л. П.> — дак наўбарóт: што прыглашать нада людей, штоб паабедаў хто... — чу́жый чалавек. То свой род, а то штоб чу́жый чалавек).

Примечания

1. ФА МФ, 2747.08. Зап. Ю. И. Марченко, Л. И. Петровой, А. В. Осиповым в с. Столбун 15 июня 1983 г. от М. Д. Тарановой.

По словам исполнительницы, она это «в книжцы... читала, в русской истории». Однако назвать книгу М. Д. Таранова не смогла.

СУС, 650 С*. Текст представляет собой сказочную интерпретацию былинного сюжета «Илья Муромец и Соловей-разбойник». Весьма редкое отождествление Ильи Муромца с Ильей Пророком встречается и в некоторых других белорусских вариантах (см., например: Белорусский сборник. Витебск, 1887. Т. 1. Вып. 3. Губерния Могилевская. Сказки / сост. Е. Р. Романов. № 44). Но в них герой становится святым уже после смерти.

Как и в большинстве белорусских текстов, былинный князь Владимир заменен здесь сказочным персонажем («цар-батюшка»), однако действие отнесено именно к Киев-граду.

2. ФА МФ, 2823.07–2824.01. Зап. Ю. И. Марченко в с. Столбун 2 августа 1985 г. от М. Д. Тарановой.

СУС, 425 М. Обычно завязка сюжета в восточнополесских вариантах сказки о муже-змее происходит у реки (озера): змей похищает одежду одной из купающихся девушек либо не дает ей набрать необходимую для выздоровления отца или матери воду, принуждая тем самым к замужеству. В представленных текстах такого рода начало отсутствует. Принуждение со стороны змея заключается лишь в наказе не раскрывать тайну связи с ним. В остальном сюжет развивается в традиционном для русско-белорусско-украинского пограничья ключе.

3. ФА МФ, 2824.05. Зап. Ю. И. Марченко в с. Столбун 2 августа 1985 г. от А. Л. Фяськовой.

СУС, 425 М. В более поздней записи этой сказки от А. Л. Фяськовой обращение к мужу-змею — «Каптур» заменено другим — «шаптурь» (*Раманава Л. Былі тады змеі // Верасень. 2012. № 6. С. 210.* К сожалению, даты записей текстов в публикации не указаны). Мы склонны отнести эту замену к неточностям восприятия «на слух», тем более что обращение «Каптур» употреблялось и другой исполнительницей (см. № 2 и 4). Не делая каких-либо поспешных выводов, отметим все же, что «каптур» («каптура») в традиционной белорусской, украинской и древнерусской одежде — головной убор (головной платок, капюшон, теплая шапка), т. е. нечто, находящееся «сверху», главенствующее. Любопытен также тот факт, что в переводе с французского «sartige» означает «захват», «захватчик».

Примечательно, что в исполнении А. Л. Фяськовой кликанье мужа-змея интонационно напоминало кукование кукушки.

4. ФА МФ, 5167.02. Зап. Ю. И. Марченко, В. П. Шиффом в с. Столбун 15 апреля 1988 г. от М. Д. Тарановой.

М. Д. Таранова: «Нам дядьбы, прадыды етыя рассказывали».

СУС, 425 М. Начало сказки о муже-змее, записанной от Марии Даниловны Тарановой повторно спустя почти три года, значительно отличается от исполненного ею ранее (ср. № 2). Это по сути рассказ в рассказе, а его эпический «зачин» оказывается сродни быличкам о невидимых людях (ср. № 11). Кроме того, в этом тексте (в отличие от других вариантов) о связи девушки с «дабраходжим» знает невестка, и именно ей адресован приказ-угроза змея хранить все в тайне.

5. ФА МФ, 2745.04. Зап. Ю. И. Марченко, Л. И. Петровой, А. В. Осиповым в с. Столбун 15 июня 1983 г. от А. Л. Фяськовой.

Предание о двух братьях Кузьме и Демьяне, прозванных в народе «Божьими кузнецами», «спорадически записывалось на Украине и в Белоруссии, преимущественно в бассейне Днепра, но не в Гомельской обл.» (Смирнов Ю. И. Эпика Полесья (по записям 1975 г.) // Славянский и балканский фольклор. М., 1981. С. 267). По утверждению Ю. И. Смирнова, основное отличие публикуемых им двух гомельских вариантов — «объяснение образования рек пахотой на змее» (Там же). В тексте, записанном от А. Л. Фяськовой, эта особенность отсутствует. В нем пахотой на змее объясняется происхождение никогда не зарастающего рва. Возможно, это связано с тем, что происхождение озера Святского, куда гнали кузнецы змея, объясняется другой легендой, также известной сказительнице (№ 7).

В рассказе А. Л. Фяськовой Кузьма и Демьян, хотя и были «як вот ад Господа Бога паслань», но становятся святыми уже после одоления ими змея. В тексте они предстают сродни простым кузнецам. Не исключено, что это послужило причиной включения при последующей передаче сюжета (см.: Раманова Л. Былі тады змеі // Верасень. 2012. № 6. С. 207) новой детали: спасение от змея происходит при участии других «людзей, яны шчэ сабралі». Вероятно, исполнительница стала исходить из обычных реалий: невозможно вдвоем запрячь такую «махину».

6. ФА МФ, 2745.03. Зап. Ю. И. Марченко, Л. И. Петровой, А. В. Осиповым в с. Столбун 14 июня 1983 г. от А. Л. Фяськовой.

На территории Восточного Полесья сюжет о Георгии-змееборце чаще фиксировался в форме канта — псалмы «Юрай и Цмок». «Ну, Цмока мы не знаем, — отвечала на наши расспросы М. Д. Таранова, присутствовавшая при записи, — а пра Юрья-Ягорья». Легенда о Егории и Змее, рассказанная А. Л. Фяськовой, заканчивается не традиционной констатацией победы добра над злом, христианства над язычеством, а «перетекает» в другую легенду — о происхождении «мух вадзяных» и «тых самых гадов».

7. ФА МФ, 2824.06. Зап. Ю. И. Марченко в с. Столбун 2 августа 1985 г. от А. Л. Фяськовой, 1922 г. р.

Рассказ о происхождении озера Святского относится к циклу легенд о затонувших городах, селах, деревнях.

8. МФ, 2748.12. Зап. Л. И. Петровой в с. Столбун 16 июня 1983 г. от А. Л. Фяськовой.

Этот и последующие тексты (№ 9–11) относятся к циклу мифологических рассказов о невидимых людях. Из представленных здесь прозаических записей следует, что далеко не всех «невидимых» А. Л. Фяськова называла «дабраходжими». «Дабраходжыя» («тож ... багатыры») являли собой для живущих на земле темную силу. К ним сказительница не относилась, например, «полуденников», которые не причиняли никакого вреда людям и давали о себе знать в светлое время суток. Происхождение тех и других, по ее рассказам, было различным (см. № 9 и 10).

9. МФ, 2748.12. Зап. Л. И. Петровой в с. Столбун 16 июня 1983 г. от А. Л. Фяськовой.

Редкий вариант, где происхождение «дабраходжих» объясняется сокрытием от Бога половины своих детей Ноем, а не Адамом и Евой.

10. МФ, 2748.13. Зап. Л. И. Петровой в с. Столбун 16 июня 1983 г. от А. Л. Фяськовой.

По представлениям А. Л. Фяськовой, от детей, умерших некрещеными, происходят только «полуденники» — дети, которые не могут найти пристанища на том свете. Именно поэтому местные жители проявляют столь сочувственное к ним отношение.

11. МФ, 2748.13–2749.01. Зап. Л. И. Петровой в с. Столбун 16 июня 1983 г. от А. Л. Фяськовой.

В быличке мир «невидимых» отнесен к миру мертвых, «контакт» с которым связан с нарушением обычая привечать в Родительскую субботу нищих и странников. Православное мироощущение дополняется у сказительницы верованиями и суевериями. Это проявляется во многих произведениях устной традиции, записанных на территории русско-белорусско-украинского пограничья.

Литература

- Белорусский сборник / сост. Е. Р. Романов. Витебск, 1887. Т. 1. Вып. 3. Губерния Могилевская. Сказки.
- Гусев В. Е. Вождение «стрелы» («сулы») в Восточном Полесье // Славянский и балканский фольклор: Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986. С. 63–76.
- Марченко Ю. И., Петрова Л. И. Балладные сюжеты в песенной культуре русско-белорусско-украинского пограничья // Русский фольклор. СПб., 1993. Т. 27. С. 205–255; СПб., 1995. Т. 28. С. 290–348; СПб., 1996. Т. 29. С. 110–191.
- Раманова Л. Былі тады змеі // Верасень. 2012. № 6 (1). С. 201–213.
- Скредлин П. А. Фонетические особенности говора села Столбун Гомельской обл. Беларуси // Русский фольклор. СПб., 1993. Т. 27. С. 255–257.
- Смирнов Ю. И. Эпика Полесья (по записям 1975 г.) // Славянский и балканский фольклор. М., 1981. С. 224–269.
- Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост.: Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.